

В МАЛЕНЬКОЙ гримуборной народного артиста РСФСР Владимира Михайловича Зельдина и наемка нет на «лирический беспорядок»: ничего лишнего, отвлекающего. Человек он очень собранный и до мелочей аккуратный. Это сказывается во всем. Вот заметил ничтожный беспорядок — тотчас поправил штору на окне, за которой медленно падает снег, неторопливый, под стать нашему разговору о том, что, как ни странно, Владимиру Зельдину, непревзойденному «учителю танцев», воинственному поручику Ржевскому, пылкому Ринальдо, уже шестьдесят. Но в нашей беседе преобладает светлая нота: В. Зельдин не поддается времени и продолжает покорять на сцене молодым темпераментом, заразительным артистизмом.

— Владимир Михайлович, вчера вы вновь были блистательным Альдемаро. Как вам это удается?

В. Зельдин улыбается: — Да просто. Каждый день не меньше часа отдаю общей физической подготовке. Что еще? Не пью, не курю, придерживаюсь диеты. Занимаюсь хореографией: станок ежедневно. И вообще всю жизнь мне сопутствует спорт. Окончил в свое время кавалерийскую школу, где нас учили рубке, вольтижировке... увлекался теннисом, потом перешел на лыжи, коньки, пристратился к водным лыжам. И знаете, здоровье, сердце, — не жалуясь. Люблю все спортивное, хожу на хоккей, футбол, баскетбол. Для меня интересна психологическая сторона спорта, в нем есть своя драматургия. Этим он схож с театром. И разрядку после нервного напряжения получаешь.

— Но вы ведь артист. А, по моему, кем бы ни стал человек, искорни одержимости делом всей жизни вспыхивают в нем еще в детстве. Вероятно, и ваш путь в искусство — не исключение?

— Вы назвали «путь в искусство». Но я-то мечтал стать военным моряком. В школе кумиром для всех нас, мальчишек, стал преподаватель военного дела Хлевинский, как теперь понимаю, одаренный педагог, сумевший увлечь многих моих одноклассников романтикой военной службы. Да что, — у нас и классов не было, они назывались взводами. И мы очень гордились, что школа участвовала в параде на Красной площади. Я собирался поступить в военно-морское училище, но не был принят из-за неважного зрения. Пошел в студию при Театре МОСПС (ныне Театр имени Моссовета).

— Значит, с корабля — в театр. Но все же выбор не случайный?

— С детства я, что называется, дышал атмосферой музыки. Даже учился играть на скрипке.

Ваши родители были музыканты?

— Отец.

Михаил Евгеньевич Зельдин в свое время окончил Московскую консерваторию по классу тромбона и, прибавив к этому диплому еще один, оркестрового дирижера, организовал на частной фабрике любительский оркестр из рабочих, который исколесил всю Россию и стал довольно известен. Фабриканту, конечно, льстило, что его рабочие играют даже Вагнера, Бетховена. А дирижер, видно, был незаурядным педагогом. Иначе как бы он смог добиться профессионального звучания оркестра, если исполните-

Эти годы особенно запомнились артисту бесчисленными поездками на фронт, где он видел мужество воинов, которые на передовой, в короткие передышки между боями так непосредственно, глубоко сопереживали героям, страдавшим, боровшимся, любившим.

В будущем эти незабываемые впечатления помогут В. Зельдину создать подлинно народные сценические характеры фронтовиков. Но сначала 1945-й, год Победы, перевернет всю артистическую жизнь Владимира Михайловича. Его пригласили в театр, который стал навсегда ролевым, в ЦТСА. И вот почти тридцать лет назад Зельдин

заразительно рассказать о своем, серьезном.

Приходили большие удачи в других ролях классического, современного, советского и зарубежного репертуара. Особое место в творчестве артиста, конечно, заняли образы в военно-патриотических спектаклях. Это капитан-лейтенант Дядичев («Караван» И. Штока), капитан, командир стрелкового батальона Громов («Люди, которых я видел» С. Смирнова), матрос-артиллерист Ставриди («Песнь о черноморцах» В. Лавренева). Немало ярких, самобытных образов было создано и в последующие годы. Сейчас, окидывая взглядом пройденный путь, Владимир Михайлович вспоминает, что он сам как бы становился военным человеком. Не по приписке к подразделению, а по образу мыслей, характеру. И уже не представлял себе творческих интересов, будущих работ вне военного театра. Мы почему-то редко задумываемся над тем, какую печать накладывает на нас дело, которому служим, среда, которая нас окружает...

Владимир Михайлович, не боюсь показаться восторженным, говорит мне о людях,

о родной площадке», и офицера Цасовникова из «Океана». Словом, артисту, по его признанию, посчастливилось выходить на сцену в самых разнообразных «военных» ролях — от рядового до крупного военачальника. И все-таки...

— Владимир Михайлович, наверное, роли воинов-современников, которых вы часто наблюдаете близко, вам играть легче, нежели, скажем, Альдемаро?

— По моему, поиски однозначного ответа бесплодны. Сравнить приходится осторожно, осмотрительно. Да и нельзя проводить резкую черту между теми и другими. Ведь прежде всего пробуешь ответить самому себе: а чем герой классической пьесы может увлечь сегодняшнего зрителя, особенно военного? Какими гранями характера, поступками может расположить его к себе или оттолкнуть? Когда мне надо работать над классической ролью, я много читаю, слушаю музыку той эпохи, подолгу пропадаю в картинных галереях.

В сложный мир современника повседневно вглядываешься очень пристально. Современника видишь рядом с собой. И все равно его роль — белый лист, и потому начинаешь с «простых» вещей: что за человек этот персонаж, как расценивать его поступки? К тому же, классическая пьеса, уже в силу своей эталонности, дает великолепный фундамент для выстраивания образа. А хороших, полноценных пьес о войнах-современниках пока что мало. И тут, конечно, слово за театром. Он обязан растить драматурга. У нашего театра, кстати, немалый опыт. Имена А. Салынского, Ю. Чепурина «взошли» именно на афише ЦАТСА. К тому же каждый актер по-своему приходит к результату. Единой мерки нет. Тема, жанр спектакля влияют на характер поисков. Иногда ролью мучишься и до самого прогона не можешь схватить зерно, изюминку образа. А бывает — сразу после читки, еще не зная как следует замысла режиссера, чувствуешь характер, улавливаешь суть образа, прослеживаешь его «сцепления» с другими образами спектакля. Вероятно, помогают опыт, известные профессиональные навыки.

— Над чем вы сейчас работаете?

— По моему, жизнь в искусстве может продолжаться, так сказать, в разных измерениях. Я давно перешел на возрастные роли. И еще... Почувствовал склонность к педагогике. Занимаюсь с молодым составом «Учителя танцев». Не навязывая свои творческие находки, иду от индивидуальности нового исполнителя, от его возможностей. Иногда мелькает дерзкая мечта о режиссерском «амплуа». Хочу видеть на нашей сцене такие шедевры, как «Чапаев» и «Мятеж» Д. Фурманова.

В. Зельдин строг к себе. Можно позавидовать его жесткой самодисциплине, целеустремленности. Он верит, что его родной театр, ставший теперь академическим, еще больше упрочит репутацию лаборатории героико-патриотического спектакля на советской сцене, приумножит традиции, заложенные А. Д. Поповым, который утверждал, что театр должен жить единой жизнью с замечательными людьми нашей армии. И во всех помыслах артиста — ответственность таланта перед Родиной, перед современной армией.

Л. СЕРЕГИНА.

На снимке: В. М. Зельдин в роли капитана Громова («Люди, которых я видел»).

Снимок из музея ЦАТСА.

О Д Н О Й Ж И З Н Ь Ю С Г Е Р О Я М И

ли раньше и не держали ноты в руках. Должно быть, и музыкальная школа, основанная М. Е. Зельдиным, в бывшем городе Козлове, — тоже свидетельство его тяготения к педагогике, просветительству. А потом в Калинин, тогдашней Твери, Михаил Евгеньевич хлопотал об открытии консерватории...

— Любовь к музыке у меня с ранних лет. Мы детьми устраивали представления, пели, читали стихи. В семье — царил атмосфера добра, поэтичности, радости. Отец часто приглашал в город для выступления пианиста Игумнова, таких музыкантов, как Ширинский, Цыганов. Помню певицу Мирзоеву. Они останавливались в нашем доме, и я впитывал, как губка, эти впечатления. Впоследствии занимался в Гнесинском училище.

— А когда вы впервые пришли в театр?

— Наверное, лет семи. Отец дирижировал оркестром в «Ревизоре», я таскал за отцом большую папку с нотами. Потом смотрел «Проделки Снапена», другие спектакли. Но тот «Ревизор», где я впервые увидел людей в гриме, в костюмах, задал в душу.

— Каким предметам вас учили в студии?

— Антерскому мастерству, танцу, ритмике, акробатике, многому другому. Мы с первого курса дышали воздухом сцены, участвуя в массовках, наблюдая из-за кулис за игрой своих кумиров.

Владимир Зельдин остался работать в Театре МОСПС. Но вскоре перешел в Центральный театр транспорта, где главный режиссер народный артист РСФСР Н. Петров доверил ему роли артиллериста Николая («Вторые пути» А. Афиногенова), в «Генеральном консуле» братьев Тур и Шейнина — пограничника Гоглидзе. И. Пырьев пригласил В. Зельдина сниматься в фильме «Свинарка и пастух». Завершали работу над фильмом уже в Алма-Ате, в годы войны. Там, в русском драматическом, он сыграл Сергея Горлова во «Фронте», Фердинанда в «Коварстве и любви», Теодоро в «Собаке на сене».

вышел на эту сцену в роли своего Альдемаро («Учитель танцев»). И в наши дни не старится эта прекрасная сценическая поэма о всепобеждающей любви. Созвучны были чувства ее героев и переживаниям фронтовиков. Еще вчера их мироощущение, может быть, укладывалось в одну отточенную песенную строку: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага». А сегодня, одолев несметную вражескую силу, фронтовики в театре со всей щедростью души сопереживали Альдемаро, чье оружие — молодость, светлая голова, талант. И он отвоевывал свою любовь, свое достоинство человека. Артист Владимир Зельдин помогал ему, потому что умел весело, изобретательно,

которых встречал в дальних гарнизонах: солдатах, матросах, офицерах, о женах офицеров.

— Не забуду поездку в базу торпедных катеров, затерянную в скалах и сопках. Какое там люди содержательные, одухотворенные! Повсюду — на Дальнем Востоке, в Северном море, в группах войск. О таких людях нужно поэмы, пьесы писать. Жаль, мало пишут!

Кстати, счет Владимира Зельдина к драматургии справедлив. Есть у него свои, заветные роли героев ратного труда, тех, с кем он встречается в многочисленных поездках, о которых говорит с такой теплотой. Зрители запомнили и его бойца Ножкина («Последние рубежи» Ю. Чепурина), и командира подводной лодки Петрова («Под одной из крыш» З. Аграненко), и капитана Бондаря из «Якор-